

Присоединение Цзян Шаочжи довело атмосферу до высшей точки. Тун Цинхэ присоединился к кричащей толпе, обняв ладони и радостно аплодируя.

Его взгляд неотрывно следил за Цзян Шаочжи. Когда их глаза иногда встречались, он не мог сдержать улыбки. Его щеки болели и казались мокрыми от слез, а в горле было сладко и кисло.

Они играли в «колесо фортуны», пытаясь постепенно истощить Цзян Шаочжи. Во время миссий и тренировок военные придерживались абсолютного подчинения. Столкнувшись с такой возможностью не подчиняться, многие из них с радостью рвались в бой.

В глазах всех Цзян Шаочжи был чем-то вроде аномалии: аномален в духовной силе, аномален в боевой силе, аномален в физическом состоянии. Поэтому они не стали с ним церемониться. Один заканчивал, начинал следующий, не давая Цзян Шаочжи ни секунды на передышку или воду.

Тун Цинхэ видел, как пот, стекающий по рукам Цзян Шаочжи, медленно промокает край его брюк. С его вздымающейся груди струился пот. Взгляд его был решительным и спокойным. Он даже не думал останавливаться.

Вокруг раздавались непрекращающиеся одобрительные возгласы. В эпоху, где ценилась сила, Цзян Шаочжи невольно притягивал взгляды, куда бы он ни пошел, словно неприступная высокая гора.

Тун Цинхэ сосредоточенно смотрел на Цзян Шаочжи, который только защищался и не атаковал. Альфа был немного садистом. Он не спешил заканчивать бой как можно быстрее. Он был подобен кошке, которая играет с мышью, медленно истощая выносливость и силу противника, а затем, уловив момент расслабления, наносил сокрушительный удар.

В итоге все пришли к выводу, который можно было выразить тремя словами: не победить.

Чтобы сравниться с Цзян Шаочжи, возможно, понадобится десять лет или даже больше. Физическое состояние Цзян Шаочжи не уступало молодым парням, которые были перед ним. Его сила и энергия были на пике. Загнав тигра в горы, его не так-то легко заставить отступить.

Пот испарялся в воздухе. Тун Цинхэ почувствовал запах, присущий только Цзян Шаочжи. Цзян Шаочжи, победив, подошел к Тун Цинхэ. У него дернулся кадык. Он весь был покрыт потом. Он взял Тун Цинхэ за руку. Пот с его ладони намочил белое тонкое запястье.

— Пойдем.

Цзян Шаочжи игнорировал шутки окружающих. Тун Цинхэ не обладал его невозмутимостью и был вынужден послушно следовать за ним, пока они не вернулись в свою комнату в лагере.

— Дядя, надень сначала одежду...

Спина Цзян Шаочжи была полна силы, очень рельефная, но не слишком гладкая. На коже спины были старые шрамы, грубые, словно высеченные временем.

Тун Цинхэ отвел взгляд, но тут же снова посмотрел, считая спину Цзян Шаочжи очень сексуальной.

Он впервые смотрел на кого-то с таким восхищением. Эта мысль вызвала румянец на его лице и жар в ушах. Он снова сказал:

— Надень одежду, не простудись.

Цзян Шаочжи безразлично ответил:

— Я схожу в душ, смою пот, — но он явно хотел сказать не это. Цзян Шаочжи посмотрел на Тун Цинхэ. — О чем ты думал только что, на свадьбе?

Тун Цинхэ опустил голову, молча. Его пальцы на коленях бессознательно перебирали.

Цзян Шаочжи взял его за подбородок, чтобы заставить поднять голову:

— Можешь сказать.

Тун Цинхэ тихо покачал головой:

— Слишком опрометчиво.

Цзян Шаочжи слегка приподнял бровь:

— Ничего страшного, если не скажешь сейчас. Я зайду, помоюсь, выйду, и ты мне скажешь. Будь хорошим.

Тун Цинхэ смотрел в окно на ночную тьму. Из-за свадьбы в лагере сегодня не выключали свет.

При одной мысли о том, что промелькнуло в его голове, его сердце начинало трепетать. Цзян Шаочжи вышел, увидел своего Омегу, покрасневшего и погруженного в размышления, смотрящего в окно.

— Тун-Тун, — Цзян Шаочжи легко обнял его. Теплый пар, смешанный с легкими феромонами, окутал Тун Цинхэ. Он вдохнул его, и запах был невероятно приятным.

Он не мог не прищуриться. Когда он заговорил, его голос был непривычно сладким:

— Ароматный.

Феромоны Цзян Шаочжи были плотными, даря ощущение полной безопасности. Они обволакивали его с головы до ног.

Тун Цинхэ сняли носки и уложили на кровать. Цзян Шаочжи залез под одеяло. Кровать была небольшой, но Цзян Шаочжи мог лечь на бок, а Тун Цинхэ мог удобно лежать на его руке.

— Тун-Тун, о чем ты думаешь? — Цзян Шаочжи все еще настаивал, чтобы Тун Цинхэ признался. — Я победил. Ты можешь попросить меня о чем-то.

Цзян Шаочжи напрягся:

— Сколько ингибиторов ты использовал в те дни гона?

Тун Цинхэ широко распахнул глаза и потянулся к коммуникатору, лежащему на подушке:

— Дядя, ты... ты читал мои сообщения?

Цзян Шаочжи честно признался:

— Сначала ответь мне.

Тун Цинхэ открыл рот, собираясь сказать, что он был сильным, и нет необходимости вспоминать прошлое. Но, увидев твердый и молчаливый взгляд своего Альфы, его внутренняя сила тут же растаяла. Человек, у которого есть любимый, становится более уязвимым в его заботе, его легко ранить. Любая маленькая обида тут же увеличивается в масштабе, и его нельзя трогать.

Тун Цинхэ тихо сказал:

— В первый день три дозы.

— На второй и третий день по две, а в течение следующей недели — по одной в день.

Цзян Шаочжи молча выслушал. Он слегка поглаживал кожу за его ухом:

— Что еще?

— ...

— ... Больше ничего.

Взгляд Цзян Шаочжи не оставлял Тун Цинхэ шанса спрятаться. Его глаза покраснели. Он крепко сжал руку Цзян Шаочжи и с обидой пожаловался:

— Я не хочу говорить, почему ты заставляешь меня?

— Тун-Тун, — Цзян Шаочжи поцеловал его в покрасневший от слез уголок глаза. Он засунул руку под одеяло и крепко обнял его, медленно поглаживая по спине. — Это моя ответственность. Я не смог позаботиться о тебе, когда ты нуждался. Если у тебя есть обиды или жалобы, не скрывай их от меня.

Они были самыми близкими друг другу людьми. Если они даже не говорят друг другу о боли, которую переживают, то в будущем могут произойти еще более серьезные неприятности. Если все скрывать, это будет противоречить их первоначальному намерению брака.

Цзян Шаочжи не хотел, чтобы Тун Цинхэ держался от него на расстоянии. И он не хотел, чтобы Тун Цинхэ становился сильным через боль и самоограничение.

Его Омега был его возлюбленным и его ребенком.

Тун Цинхэ не мог сопротивляться. Все его тело обмякло от прикосновений Цзян Шаочжи.

— Дядя, правда больше ничего, — Он молил о пощаде, показывая Цзян Шаочжи свою самую мягкую и уязвимую сторону. — Но после инъекций у меня были сильные побочные эффекты. Мне пришлось принимать лекарства, чтобы облегчить дискомфорт.

— Что еще?

— Я хотел отправить тебе сообщение, но боялся помешать.

Брови Тун Цинхэ хмурились все сильнее. Он никогда не сравнивал себя с другими, но когда дело доходило до Цзян Шаочжи, это было по-другому. Он был как кролик, который доволен своим домом, а Цзян Шаочжи был как тигр, который покоряет лес. Узкие рамки семьи не могли удержать Цзян Шаочжи.

И Тун Цинхэ не хотел его запереть. Но когда он так сильно тосковал по нему, он ненавидел свою беспомощность. Он не мог всегда быть рядом, чтобы помочь ему. Он не мог быть обузой для Цзян Шаочжи.

Что он мог сделать? Что ему следовало делать? Тун Цинхэ погрузился в кратковременное замешательство. Это было не в первый раз. Каждая тоска заставляла его снова и снова думать об одном и том же.

Он хотел этого человека духовно, он хотел этого человека физически. Тоска могла преодолеть

любые барьеры. Он так сильно хотел Цзян Шаочжи, хотел обладать им, иметь его рядом, чтобы иметь возможность прикоснуться к нему, когда скучает.

Это было совершенно иррационально.

— Дядя, я такой эгоист... — Тун Цинхэ выглядел расстроенным. При виде его такого, Цзян Шаочжи почувствовал облегчение.

Внутренняя травма Тун Цинхэ была давней, и Цзян Шаочжи мог только медленно ее устранять. Он баловал его, но не мог позволить Тун Цинхэ слишком сильно погружаться в свой внутренний мир.

Широкая ладонь скользнула по спине до затылка. Цзян Шаочжи притянул Тун Цинхэ к себе:

— Тун-Тун, чего ты хотел?

Глаза Тун Цинхэ блестели:

— Это неудобно...

Цзян Шаочжи спокойно посмотрел:

— Скажи.

Тун Цинхэ влажно прищурился, обиженно свернулся клубочком в объятиях Цзян Шаочжи и невнятно прошептал что-то.

Цзян Шаочжи расслышал, его сердце потеплело и сжалось. Он развернул свернувшегося калачиком Тун Цинхэ, прижал к себе и посмотрел прямо в его бегающие глаза. Он погладил его по уголкам глаз.

— Я понял.

Тун Цинхэ пробормотал:

— Так тихо, как ты мог услышать?

Цзян Шаочжи мягко улыбнулся:

— Хорошо.

Тун Цинхэ не мог поверить, потому что его просьба была немного поспешной, и он боялся отнять время у Цзян Шаочжи.

— Я... я хочу провести с тобой свадьбу, прежде чем вернуться.

Тун Цинхэ сказал:

— Достаточно простой, как та, на которой мы были сегодня.

Он любил Цзян Шаочжи, и он любил то, что любил Цзян Шаочжи. Его Альфа постоянно был на заданиях. Военный лагерь был его вторым важным домом. Тун Цинхэ хотел свадьбу именно в военном лагере.

Тун Цинхэ неуверенно спросил:

— Ты проведешь здесь со мной свадьбу?

Цзян Шаочжи поцеловал его:

— Проведу.

<http://bllate.org/book/4/130>